

Annotation

Вторая книга серии «Варта» от Варвары Еналь! Желанная – древняя колдовская книга, исполняющая желания. Слишком многие хотят получить эту книгу, чтобы с ее помощью наказать, отомстить, обрести власть и богатство. Молодые члены Варты – Марьян, Мирослава и Матвей – понимают, что необходимо уничтожить Желанную, несущую людям проклятие и гибель. Но сделать это не так-то просто – дьявольский артефакт похищен и кто-то уже вписал имена Матвея и Мирославы в книгу, пожелав им смерти.

Варвара Еналь

Пролог

Часть 1

Глава первая. Снежана

Глава вторая. Матвей

Глава третья. Матвей

Глава четвертая. Мирослава

Глава пятая. Мирослава

Глава шестая. Матвей

Глава седьмая. Матвей

Глава восьмая. Мирослава

Глава девятая. Мирослава

Глава десятая. Мирослава

Глава одиннадцатая. Мирослава

Глава двенадцатая. Мирослава

Глава тринадцатая. Мирослава

Глава четырнадцатая. Матвей

Глава пятнадцатая. Матвей

Глава шестнадцатая. Матвей

Глава семнадцатая. Мирослава

Глава восемнадцатая. Мирослава

Часть 2

Глава первая. Снежана

Глава вторая. Мирослава

Глава третья. Мирослава

Глава четвертая. Матвей

Глава пятая. Матвей

Глава шестая. Мирослава

Глава седьмая. Матвей

Глава восьмая. Матвей

Глава девятая. Матвей

Глава десятая. Матвей

Глава одиннадцатая. Мирослава

Глава двенадцатая. Матвей

Глава тринадцатая. Мирослава

Глава четырнадцатая. Матвей

Глава пятнадцатая. Мирослава

Глава шестнадцатая. Мирослава

Глава семнадцатая. Матвей

Глава восемнадцатая. Мирослава

Часть 3

Глава первая. Снежана

Глава вторая. Мирослава

Глава третья. Мирослава

Глава четвертая. Мирослава

Глава пятая. Матвей

Глава шестая. Мирослава

Глава седьмая. Мирослава

Глава восьмая. Матвей

Глава девятая. Матвей

Глава десятая. Матвей

Глава одиннадцатая. Мирослава

Глава двенадцатая. Матвей

Глава тринадцатая. Мирослава

Глава четырнадцатая. Матвей

Глава пятнадцатая. Мирослава

Глава шестнадцатая. Матвей

Глава семнадцатая. Матвей

Глава восемнадцатая. Мирослава

Эпилог

Варвара Еналь

Тот, кто дает ответы

Серия «Варта»

© Варвара Еналь, текст, 2022

© ООО «РОСМЭН», 2022

* * *

Пролог

От этой беременности были одни неприятности с самого начала. Похоже, ребенок пошел в своих отцов – такой же бессовестный и проблемный. Дарину тошнило с утра и до вечера. Мир казался плоским и черно-белым, а резкие навязчивые запахи сводили с ума.

Вечером еще было ничего, можно жить. Поесть чего-нибудь простого вроде чипсов или крекеров, похрустеть яблоком и запить все это горьким черным кофе. Но с утра хоть помирай. И Дарина помирала.

Она не могла заставить себя вылезти из постели, не могла поехать в университет на пары и валялась до обеда, пока телефон не начинал разрываться от звонков подружки Соли. Разговаривать тоже ни с кем не хотелось, желудок скручивался узлом, словно этот новенький, едва зачатый ребенок твердо решил убить свою мать еще до рождения.

А начиналось все очень неплохо – вечером, в хорошей компании, и Дарина чувствовала себя почти счастливой. Она наконец вырвалась из-под бдительного ока родителей, ей больше не диктовали, во сколько возвращаться домой и как сильно красить глаза, не придирались к узким джинсам и коротким топам. И мать не кричала визгливым

голосом, называя ее засранкой и неумехой за пережаренную картошку или пересоленный суп.

Дарина поступила учиться в один из университетов Старого города, и родители уже оплатили первое полугодие обучения. Конечно, не бюджет, но от Дарины и не ожидали, что она осилит поступление на бюджет. Мать невероятно гордилась уже одним тем, что у нее старшая дочь – студентка.

Подружки из общежития пригласили потусить теплым осенним вечерком в центре. Пока гуляли по улицам и сидели в кафе, познакомились с двумя братьями, Назаром и Андреем. Прикольные пацаны, с ними было весело, и Дарина, расслабившись, немного перебрала пива. Нет, она не была пьяной, но мир сверкал огнями, центр Старого города был сказочно красив, а Назар и Андрей предложили проводить до общежития. Дарина согласилась. А почему бы и нет?

В трамвае ей стало нехорошо, и они все трое вышли на улицу, не доехав несколько остановок.

– Пошли к нам, – предложили братья. – У нас пустая хата.

Потусим, попьем кофейку, посмотрим боевичок. Идет, Даринка?

Даринка, чувствуя себя на седьмом небе от счастья, согласилась.

Конечно же, согласилась! Братья выглядели симпатичными и умными, сентябрьская ночь пахла кофе и совсем немного шоколадом. И все должно было сложиться хорошо, просто очень хорошо. Дарина казалась самой себе неотразимой, ведь сразу двое парней ухлестывали за ней, потому без вопросов пошла вместе с Назаром и Андреем.

Квартирка их находилась в старом доме на пятом этаже – деревянная скрипучая лестница, резные перила, высокие двери. В квартире пахло геранью и котами, но никаких животных не наблюдалось, зато в большой комнате стоял здоровенный диван и висела плазма.

Что было дальше, Дарина помнила плохо. В голове все смешалось, иногда выскакивали какие-то обрывки изображений, но после думалось, что это просто марево, бред и непонятные видения. Вроде бы братья предложили кофе. Вроде бы начали обниматься, вроде бы они все уснули прямо на диване. А рано утром Дарину, сонную и вялую, выпроводили на улицу, и ей самой пришлось соображать, где трамвайная остановка.

Вернувшись в общежитие, Дарина долго пыталась прийти в себя и пару дней страдала жуткими головными болями. А самое главное, у нее не было никаких контактов Назара и Андрея. Ни телефона, ни соцсетей

– ничегошеньки. Только странное ощущение чужих рук на своем теле, к которому четыре недели спустя добавилась убийственная тошнота.

Вот тогда Дарина и забеспокоилась.

Она ведь заставляла себя думать, что ничего плохого с ней не произошло, что братья не опаивали ее какими-то таблетками и не насиловали в старой квартире с высокими потолками. Казалось, что если выкинуть из головы дурацкие мысли и мутные воспоминания, то можно жить так, словно ничего не было, и мир не подсунул ей подлянку в самом начале прекрасной и счастливой жизни.

Дарина ходила на пары, после занятий покупала нехитрые продукты и по вечерам иногда позволяла себе завернуть в какую-нибудь простенькую кафешку, взять кофеек навынос и круассанчик. Каждого встречного парня она рассматривала с легким прищуром, надеясь, что это Назар или Андрей, хотя на самом деле отлично понимала, что ни того ни другого не узнает, даже если столкнется с ними нос к носу.

Пожалуй, пива все-таки было выпито слишком много.

Тошнота обрушилась внезапно, словно весенний ливень. Однажды утром, едва поднявшись с постели, Дарина поняла, что ее сейчас вырвет, и кинулась в туалет, а после еле уняла дрожь во всем теле.

Ей казалось, что она умирает, что мир перевернулся с ног на голову и поэтому желудок никак не может удержать в себе пищу.

Дарина не сразу додумалась купить тест, но соседка по комнате, рыжая Ангелинка, заметив ее мучения, деловито спросила, засовывая в рот подушечку «Орбита»:

– Тест купила?

– Какой тест? – глупо пролепетала Дарина.

– На беременность, балда. Сделай тест. Вдруг это не просто отравление?

Тест показал две полоски. Ровно две полоски, такие ясные и четкие, что сомнений не оставалось. В ту ночь Дарине вовсе не пригрезилась близость сразу с двумя парнями, и теперь вот он, результат, у нее в животе. А учебный год только начался. Ее первый учебный год в Старом городе.

Конечно, следовало найти этих уродов и призвать их к ответственности, но Дарина понятия не имела, как это делается. Сообщить родителям нельзя, отец убьет. От нее отрекутся, с ней перестанут общаться и даже в гости в родной дом не пустят, потому что старшая дочка опозорила на все село, принесла ребенка в подоле вместо долгожданного диплома о высшем образовании.

Дарина даже подумать боялась о разговоре с родителями, ее начинало трясти от одной лишь мысли о том, как она приезжает домой и сообщает с порога, мол, мама, извини, но я, кажется, беременна.

Это было ужасно! Это было глупо и ужасно!

И как она могла, дурочка такая, залететь в первый же год обучения, в первый же триместр?!

Мерзкая тошнота не отпускала, но никому не было дела до девочки Дарины, целый день просиживающей в комнате общежития и рыдающей в подушку от сознания того, что мир погиб и ничего уже не изменить.

На помощь пришла подруга Соля. Дарина познакомилась с ней в первый же учебный день, на первой же паре. Милая и красивая девушка, очень спокойная и умная. Соля и стала приносить Дарине еду, а после уговорила вернуться в университет.

– Зачеты скоро сдавать, что будешь писать, если у тебя сплошные пропуски? Тебя ведь отчислят. Думаешь, родители за это похвалят? – увещевала Соля.

– А за беременность, думаешь, похвалят? И я никак не могу найти этих придурков, даже фамилии их не знаю! – отвечала Дарина.

– Это братья Корсуненко. Если бы ты чаще ходила на пары, то наверняка увидела бы их в нашем университете. Придурки, не спорю. Но что ты теперь будешь делать? Что с них взять?

- Сделать тест на отцовство, и пусть платят!
- Ты что, собираешься рожать ребенка? – не поняла Соля.
- А что делать?
- Сделать аборт, конечно же, дурная. Зачем тебе ребенок в твои восемнадцать лет?
- Мама говорит, аборт – это грех.
- Ну так твоя мама не узнает, что ты его сделала.
- Откуда же у меня деньги?

- Я тебе одолжу, после отдашь. Это небольшая сумма. А с братьями мы разберемся по-своему.

- Солька, я тебе всю жизнь буду благодарна! – завопила Дарина, потому что наконец за последние две недели увидела свет в конце своего темного туннеля. – Ты просто спасла меня, Солька!

Выход нашелся, и Дарина расслабилась. Через день буквально родители прислали деньги на второе полугодие обучения, и это был повод, чтобы отметить. Поэтому Дарина решила, что немного чипсов и пива не помешает. В магазин согласилась сходить соседка по комнате, рыжая Ангелина. Дарина дала ей свою карточку, сказала пароль и четко объяснила, какого пива и какой минералки следует купить.

Ангелина взяла карточку и ушла. Больше Ангелину не видели.

И только поздно вечером озадаченная Дарина поняла, что дала соседке ту самую карточку, на которую родители прислали деньги за обучение, а это почти десять тысяч гривен.

Ни соседки, ни денег. Мир снова стал черным и ужасным, и Дарина редела всю ночь, а утром едва смогла оторвать голову от подушки, так ее тошнило. И тогда к ней пришла ее подруга Соля.

Соля походила на картинку из журнала мод – длинные черные волосы, голубые глаза, такие выразительные, словно их обладательница была киноактрисой, красиво очерченные губы и невероятно стильная одежда. И очень добрая душа.

- Я тебе помогу, – сказала подруга, появившись рано утром на пороге комнаты Дарины. – Я дам тебе денег и на аборт, и на обучение. Ты отработаешь и все мне отдашь, договорились? А сейчас вставай, давай позавтракаем. Я принесла тебе круассан и йогурт, потому что нельзя питаться одними чипсами. Понимаешь?

- Как ты мне дашь денег? – заикаясь и всхлипывая, проговорила Дарина, выглядывая из-под одеяла.

– Скину на твою вторую карточку, балда. Вставай, пока круассан горячий. Отрывай свою задницу от постели. Ну же. Переживешь свою тошноту. Сегодня ты точно должна быть на парах. Поедем вместе, я вызову такси.

– Думаешь, я смогу заработать?

– Конечно. Устроишься официанткой в кафешку, тут полно такой работы.

И Дарина, почувствовав дружескую помощь, ожила. Она с удовольствием прикончила круассан и йогурт, после накрашила глаза, брови и губы, с трудом влезла в старые джинсы и отправилась на пары вместе с подругой.

Вечером Соля снова заглянула к Дарине. Была она в элегантных белых брюках и белом джинсовом пиджачке, волосы убраны в прическу, в ушах – золотые сережки. Не вязался волшебный облик Соли с простенькой обстановкой общежития.

– Ты в какой комнате живешь? – спросила озадаченная Дарина.

– Я не живу в общежитии. Родители снимают мне квартиру, – коротко пояснила Соля. – Я пришла к тебе по делу. Слушай внимательно. Есть способ отомстить твоим обидчикам. Давай-ка собирайся, прогуляемся. Это разговор не для общежития.

– А куда пойдем?

– В «Шоколадную мастерню». Была там?

– Еще нет. – Дарина хлопнула ресницами и полезла в тумбочку за толстовкой.

– Только оденься посимпатичней. Не в джинсы с футболкой. У тебя есть платье?

– Да, одно. На праздники, мать велела беречь, – озадаченно проговорила Дарина.

– Господи, Даринка, ты как селянка, честное слово! – Соля покачала головой и улыбнулась. – Тут на распродажах можно набрать себе сколько угодно платьев и не беречь одно-единственное. Вот найдешь работу, сама посмотришь. Собирайся, такси скоро приедет, я заказала на время. Белые кроссовки у тебя есть. Ну-ка, покажи, что там у тебя за распрекрасное платье только для праздников?

Скривившись, Соля рассмотрела содержимое узкого шкафа с провисшей дверкой, осторожно потрогала гипюр красного коротковатого платьишка, которое покупалось на походы в церковь и в гости, и деловито кивнула:

– Пойдет. Надевай, и отправляемся. Пройдемся по городу, погуляем. Хороший будет вечерок, да?

И Дарина в очередной раз почувствовала, как внутри наступает мир и покой. Все-таки повезло ей с подругой, что ни говори!

И вот она, «Шоколадная мастерня», в старом-престаром доме на старой-престарой улице. Узкая деревянная лесенка,

умопомрачительный запах шоколада, невероятно красивые конфеты, которые можно рассматривать часами. Фигурки из шоколада казались произведениями искусства, а книги на полках и скрипучие половицы под ногами создавали удивительно уютную атмосферу. Необыкновенную атмосферу Старого города.

Девчонки устроились на третьем этаже, под самой крышей, и мальчик-официант принес им по чашке шоколада и кусочку яблочного пирога. По крыше застучал мелкий дождик, и, потягивая вкуснейший шоколад, Дарина вдруг поняла, что ее совершенно не тошнит. Ей стало невероятно хорошо и славно, так хорошо, как не было еще никогда.

Соля ей поможет. Аборт будет сделан, обучение – оплачено, а сама Дарина устроится подрабатывать в кафе, может, даже вот в эту

«Майстерню». Будет пить после работы шоколад, а потом добираться до общежития на последнем трамвае, ощущая в своих карманах тяжесть честно заработанных денег. А может, щедрая и добрая Соля пригласит ее жить к себе, в свою съемную квартиру? Скажет, что ей скучно и одиноко и хорошая подружка будет очень даже кстати. Почему нет?

И тогда все горести и разочарования останутся позади.

А Соля, словно в подтверждение самых заветных желаний Дарины, сказала, что сама заплатит за угощение, и предложила после еще пройтись до «Макдоналдса» и купить кофе навынос.

– Лучше всего гулять с горячим кофе. Люблю эти ощущения: старые улочки и кофе. Чувствуется веяние прошлого. Словно люди, которые тут жили до нас, еще не умерли и находятся где-то рядом. Понимаешь меня?

Дарина не понимала, потому что ни о чем таком не думала, но на всякий случай уверенно кивнула. Соля вдруг перестала улыбаться. Наклонилась так близко, что запах ее туалетной воды ударил в нос приторно-сладкой волной и заставил желудок сжаться в уже забытой судороге.

– Мы можем отомстить братьям Корсуненко. Я знаю их, они уже не первую девчонку так портят. Заведут к себе на старую хату, а после начинаются проблемы. То беременность, то девчонка ходит за ними хвостом, влюбленная дурочка, и ожидает, что один из братьев на ней женится. Только Назар и Андрей никогда не женятся на обычной

девчонке.

– Это почему? – не поняла Дарина.

– Потому, глупая. Они из польской семьи, очень богатой. Их родственники по всей Европе живут. А парни тут учатся и живут у своей бабушки. У нее собственный особняк на окраине.

Дарина удивленно таращилась на Солю.

– Ну вот. Так просто ты их не притянешь к ответственности, и ни копейки они тебе не дадут. Ни на аборт, ни на ребенка, если бы ты вдруг решила родить. Но мы можем им отомстить. Понимаешь меня?

Горячий шепот Соли тонул в запахе шоколада и запеченных яблок. Глаза ее голубые оказались так близко, что Дарина видела черную точку зрачка и сероватый ободок вокруг радужки, и еще маленькие желтые крапинки, еле заметные, но делающие взгляд хитроватым и немного колдовским.

– Как мы им отомстим? – растерянно прошептала Дарина, вытирая губы, испачканные шоколадом.

– Есть такая книга особенная. Очень старая книга, которая выполняет желания.

– Это как в сказке, да? – Вопрос прозвучал глупо и довольно громко, но Соля не смутилась.

– Да, как в сказке, – терпеливо сказала она. – Только это наяву и работает. Мы можем записать в ней желания, и они исполнятся. Понимаешь? Ты мне веришь?

– Ну... Наверное... Но это странно.

Это действительно было странно, и Дарина вдруг подумала, что подруга разыгрывает ее.

– Ты ничего не теряешь. Тебе ничего не надо делать, просто записать свое желание в старую книгу. Это ведь несложно, правильно?

Дарина смотрела в голубые глаза Соли и молчала. Под крышей

«Шоколадной мастерни» играла музыка.

Группа «Антитела» пела, уверяя, что не надо ничего бояться, да так громко, что временами Дарина не слышала тихих слов Соли.

«Ничего не бойся, ничего не бойся», – стучало в висках.

– Я должна прямо сейчас высказать свое желание? – уточнила Дарина.

– Нет, глупая. Мы встретимся завтра вечером. Есть тут в центре одно место, там спокойно и тихо. Посидим, поболтаем, и ты запишешь свое желание в книге. Договорились? И тогда получишь деньги,

которые тебе нужны, – твердо сказала Соля и откинулась на спинку стула.

Посмотрела с легкой улыбкой и махнула рукой официанту.

– Ну хорошо, – облегченно выдохнула Дарина.

Завтра всегда лучше, чем сегодня. Завтра будет видно.

Ее почему-то пугала мысль о какой-то странной книге, в которой можно записывать свои желания. Может, потому, что вечер уже наступил и темные сумерки за окном превращали центр Старого города в мрачную картинку из старой-престарой сказки.

– Договорились, – еще шире улыбнулась Соля.

Они договорились, и на следующий день – длинный нудный день, полный тошноты, долгих пар и холодного дождя, – Дарина, дождавшись подругу, послушно села в такси. Машина отвезла их на какую-то узкую улочку, где стояли старые трехэтажные дома, а рядом низкорослыми карликами теснились маленькие одноэтажные пристройки, такие же древние, как и стертая брусчатка под ногами.

Соля распахнула деревянную дверь какого-то кирпичного строения и пригласила войти.

– Тут нам никто не мешает, – сказала она.

– Здесь темно, как в сарае, – пролепетала Дарина, замирая на пороге.

Она рассчитывала, что снова будет кафешка или «Макдоналдс» на крайний случай, поэтому была слегка разочарована.

– Это и есть сарай, но тут должны быть свечи.

Соля была деловита и проворна. Она зашла внутрь, чиркнула невесть откуда взявшейся спичкой, и неуютную темноту осветил целый ряд толстых свечей. Посередине стоял старый стол с деревянной столешницей и парочка стульев, тоже деревянных и очень старых, как будто их приволокли из какого-то музея.

– Да не бойся, дурочка. Ты просто запишешь свои желания, и все. Ничего особенного, правда? – Соля подошла к столу и жестом поманила Дарину. – Только дверь за собой закрой, – добавила она.

Дарина закрыла дверь, уселась на шаткий стул и уставилась на коричневую книгу, которую Соля положила перед ней. От книги пахло землей и чем-то ветхим, старым и истлевшим. Кладбищем, что ли?

Дарина поежилась и подумала, что следует как можно быстрее покончить с этой неприятной процедурой. Что там она должна

написать?

Подружка снова чиркнула спичкой и взялась зажигать оставшиеся свечи. Один за другим вспыхивали крошечные огоньки, освещая пыльный мрак сарая. Старая-престарая, потертая-препотертая обложка выглядела неприятной и жуткой и напоминала музейный экспонат. Дарина достала телефон и, пока Соля занималась свечами, сделала пару кадров. Пусть будет.

Наконец подруга села напротив.

– Что мне писать? – Дарина схватила простой карандаш, который услужливо протянула ей Соля, и глянула в спокойные голубые глаза подруги.

– Подожди, не спеши. Открой на чистой странице и запиши свое имя. А если там вдруг появятся какие-то слова, не читай их. Просто пиши. Полное имя и фамилию.

Дарина кивнула, открыла книгу – страницы так сильно шуршали, словно пытались о чем-то предупредить, – и простой карандаш вывел на бумаге имя. Старая плотная бумага скрипела, будто не хотела принимать в себя слова. Буквы получались кривыми и неразборчивыми.

Рыбалко Дарина

Серые буквы проступали четкими знаками и казались каким-то заклинанием. Станным, жутким заклинанием. Дарина взглянула на Солю – та не отрываясь смотрела на книгу. Глаза подруги потемнели, губы были плотно сжаты. Только сейчас Дарина заметила, что на лице Соли совсем нет макияжа. Темные ресницы не накрашены, на бледных губах – ни тени помады. Соля казалась невероятно бледной, серьезной и даже испуганной. Чего она боится? Книги, что ли?

А старая-престарая книга вдруг ожила.

«Нет в кланах такой девушки», – проступил ответ, будто выведенный чернильными буквами.

Почерк был старинный, буквы с завитушками, и Дарина не сразу разобрала смысл.

– Оно говорит, что такой девушки нет, – пробормотала она, поднимая глаза на Солю.

– Не обращай внимания. Пиши то, что я тебе скажу, не перепутай.

И помни, все, что ты тут запишешь, сбудется.

Дарина вздохнула и под диктовку Соли вывела первое предложение.

Хочу, чтобы братья Корсуненко Назар и Андрей умерли.

– Как умерли? – не поняла Дарина.

Соля вдруг наклонилась, схватила ее за руку и зыркнула зло, словно хлестнула взглядом.

– Не спрашивай, дура! Начала писать, так пиши! Второе желание.

Слушай внимательно.

Хочу, чтобы Ангелина Коваль тоже умерла.

– Это та, что украла твои деньги с карты. Два желания для тебя, чтобы отомстить твоим врагам. И два желания для меня, чтобы отомстить моим. У меня тоже есть враги.

– Что они тебе сделали? – шепотом спросила Дарина, глядя, как бешено мерцает пламя свечей, и слыша, как странно и тоненько посвистывает воздух где-то за дверью.

– Они убили моего парня и поплатятся за это. Пиши.

Хочу, чтобы Ведьмак Матвей Левандовский умер.
Хочу, чтобы девушка Мирослава Новицкая умерла.

Едва последние слова легли на страницу, как свечи вспыхнули, точно бешеные. Пламя взметнулось вверх, воздух под дверью засвистел жалобно и тонко, холод обхватил плечи Дарины. Ледяной, могильный холод. Запахло землей, старым железом и еще чем-то горьким и непонятным. То ли гарью, то ли полынью – не разобрать.

Соля поднялась, улыбнулась – улыбка на бледных губах показалась зловещей и торжественной. Положила ладонь на пальцы Дарины и велела:

– Подожди, не вставай. Надо заплатить.

– Надо что? – не поняла Дарина.

И в этот момент открылась дверь сарая. Наклонившись, чтобы не задеть дверной проем, вошел высокий мужчина в черном. Он сел напротив Дарины и посмотрел ей в глаза. Все произошло так быстро,

что девушка и дернуться не успела. Соля выскользнула за дверь, свечи вдруг погасли – все, кроме одной, стоящей за спиной незнакомого мужчины.

А незнакомец в черном был красив. Так красив и странен, что

Дарина потеряла дар речи. Она просто смотрела в его темно-карие глаза и не могла отвести взор.

– Смотри на меня, девушка, – заговорил вдруг мужчина. – Смотри на меня и не двигайся. Ты же хочешь, чтобы твои желания исполнились? Хочешь быть счастливой? Тогда смотри на меня и не двигайся. Ты слышишь мой голос?

Дарина медленно кивнула.

– Молодец. Ты слышишь мой голос. Ты меня видишь. Ты записала свои желания в Желанной. Теперь надо заплатить, красавица. Ты ведь не из наших, не из Вартовых. Ты из обычных. А обычные всегда платят своей жизнью. Не бойся. Это быстро. И ты будешь счастлива.

Дарина смотрела в его карие глаза и чувствовала странное тепло внутри. Мерцала одинокая свеча, подвывал ветер за дверью, но в темном сарае было уютно и тепло. И даже когда ладони незнакомца сжали шею, лишая Дарину воздуха, девушка все равно ощущала тепло внутри и странное, необъяснимое счастье.

Счастье до самой смерти.

Часть 1

Прадедова тетрадь

Глава первая. Снежана

1

Матвей пропал.

Его не было нигде – ни дома, ни около школы. Снежана безрезультатно обходила уже в который раз темно-серое здание автомойки и зачем-то разглядывала номера машин, покрывающихся снежно-белой пеной. В дом Матвея доступа не было, кованая калитка оказывалась неизменно запертой, а страшный черный котяра так жутко сверкал глазами, когда Снежана пыталась заглянуть во двор, что желание лазить через чужие заборы тут же пропадало. Котяра, как надежный цепной пес, сторожил пустой дом, и, сколько бы Снежана ни звала, сколько бы ни надрывалась, никто не отвечал на ее вопли.

Вот уже два месяца долгой осени, как от Матвея не было ни слуху ни духу. Номер его телефона молчал, словно его и не существовало, и Снежана терялась в догадках. Можно было, конечно, позвонить сестре, Мирославе, но после всего случившегося Мирка словно отдалилась от всех. Как и мечтала, поступила в медицинский вуз и укатила жить в Старый город. Ее бабушка, щедрая пани Святослава, сняла ей квартиру недалеко от центра, где-то на маленькой улочке со странным названием

Старознесенская, и сестра жила там одна и в гости к себе не звала.

Когда Снежана набирала ее номер, раздавался сухой и до удивления спокойный голос:

– Чего тебе? Быстро, у меня пары.

И тогда нужные слова пропадали, оставались лишь ничего не значащие фразы.

А вдруг Матвей уехал в город к своей ненаглядной Мирославе и они оба сейчас бродят по грустным, засыпанным желтой листвой улочкам и пьют горький кофе Старого города? А она, Снежана, сидит себе в уютной комнатке в доме пани Святославы среди глупых мягких игрушек и в который раз пытается разобраться с алгеброй.

В алгебре она ничего не понимает, польские слова нещадно путает с украинскими, и никакого вуза ей не видать. Хотя бы уже в какой-нибудь завалящий колледж взяли, и то было бы хорошо. И что она может сказать своей умной и невероятно красивой сестре?

«Привет, мне кажется, что Матвей пропал».

А в ответ услышит: «Дура, он рядом со мной. Не морочь голову».

И Снежана ничего не рассказывала Мирославе. Только привычно приходила к дому Матвея и долго стояла у решетки, наблюдая за громадным черным желтоглазым котом, возлежащим на узкой дорожке из брусчатки.

Жизнь без сестры оказалась очень скучной и нудной. Уроки тянулись бесконечно, и Снежана еле-еле понимала слова учителей и с трудом собирала в кучу мысли и заставляла себя хоть немного думать. Ей не думалось вообще, в голове было пусто и гулко. Мать бы сказала, что это ерунда и нечего забивать себе голову глупостями. «Съешь пирожок и посмотри сериал. Не нужна девочке вся эта наука», – сказала бы мать.

Но матери не было. И эту пустоту некому было заполнить, совершенно некому.

Пани Святослава – неизменно вежливая, добрая и отстраненная – каждый день спрашивала, как дела, но в ее вопросе не чувствовалось ни грамма желания узнать, как же на самом деле чувствует себя девочка, лишившаяся матери и поддержки старшей сестры.

Ни друзей, ни веселой компании.

И тут подвернулся Костя. Он учился в параллельном классе, и Снежанка, собственно, всегда его знала. Светловолосый, сероглазый, высокий. С узким лицом и узким носом, в стильных черных толстовках и стильных найковских кроссовках, Костя выглядел очень даже ничего. Этакий европейский типаж. Такой себе англосакс, культурный и

утонченный.

«Привет, Снежанка, – написал он однажды в «Вайбер». – Пойдем вечером потусим? Съездим в «Макдоналдс» или еще куда. Хочешь?»

У Снежаны были деньги, пани Святослава неизменно скидывала ей на карту определенную сумму на всякие нужды. И поэтому Снежана согласилась.

Почему бы и нет? Они прогуляются по Старому городу, поболтают, и вечер уже не будет таким нудным и долгим. Вдруг Костя ей понравится?

И Костя действительно понравился. Он пришел со своим приятелем, Максом Бойчуком, и они весело болтали всю дорогу до

«Макдоналдса». Обсуждали учителей, говорили о планах на будущее, и оказалось, что умный Макс собирается поступать в Пожарное, а сам Костя никуда не собирается поступать.

– Какой в этом смысл? – рассудительно говорил он. – Лишняя трата времени. Лучше сделать загранпаспорт и сразу ехать в Чехию. У меня там родня, они найдут мне работу. Так что, ребятки, вы можете корпеть над учебниками, а я буду рассекать по старушке Европе.

– И кем ты будешь работать? – усмехался Макс. – Грузчиком в маркете?

– У родни свой магазинчик. Им нужен помощник. И в Чехии, если хочешь знать, все делают роботы. Управлять роботом-погрузчиком, сидеть себе на одном месте, жевать жвачку и следить, чтобы робот все сделал как надо. Хорошая работа.

– Фантазируй. А на самом деле у твоего дяди ферма с клубникой, и ты будешь ползать на карачках и собирать ягоды для своего дяди, – подначивал его Макс.

– А ты будешь бегать до седьмого пота со шлангами, а твои родители будут тебе деньги давать на взятки, чтобы ты зачеты все сдал, – не сдавался Костя.

Снежанка лишь улыбалась, слушая болтовню этих двоих.

Вот так и получилось, что у нее появились новые друзья. Пара встреч в дешевых кафешках, и Костя полез с поцелуями, а Снежанка не возражала. Это были первые поцелуи «по-настоящему», как казалось ей, ведь с Богданом отношения строились на приворооте, о котором и вспоминать было страшно. А тут она нравилась Косте, да и самой себе стала нравиться. Мирка уже не зудела над ухом о любви к шоколаду и слишком большой попе, маминых пирогов не стало, и Снежанка вдруг обнаружила, что за пару месяцев скинула вес. Завтраки из овсянки и ягод и борщи на обед сделали свое дело, и вот пару недель назад она влезла в размер S и могла теперь демонстрировать Косте стройнуну

фигурку. Это было приятно и здорово, и Снежанка старалась принарядиться на их встречи.

А потом Костя предложил интим. Как-то вечером, когда они сидели в парке на скамейке и целовались, руки парня вдруг оказались на талии Снежаны, он прижал девушку к себе и горячо зашептал на ухо:

– Ты серденько мое, зоренька моя. Давай ко мне сегодня вечером? Или завтра. Родители уехали, я в квартире один. Знаешь, как нам будет хорошо?

Снежанку словно по башке стукнули. Она отстранилась, глянула в серые серьезные глаза Кости и вскочила со скамейки.

– Ты чего? – насупилась она. – Мы не будем этим заниматься. Нет, не в школе.

– Так я и не предлагаю делать это в школе, серденько, – нежно пел Костя, подвигаясь к ней поближе. – Я же говорю, родителей у меня нет дома и не будет еще пару дней. Надо воспользоваться возможностью.

– Не надо! – Снежана нахмурилась, схватила свой джинсовый пиджак, который висел на спинке скамейки, и сердито глянула на парня. – Никакого интима. Никакого секса.

– Ты чего? Ты же взрослая, и матери у тебя нет, чтобы отругать. Ты сама себе хозяйка, можешь делать все что угодно. Ты мне нравишься, Снежанка. Я люблю тебя, понимаешь?

– Если любишь, тогда не будешь думать о сексе со мной.

– Это глупо. А зачем тогда встречаться? – не понял Костя.

– А ты встречался ради секса?

– Я встречался ради любви. А любовь, серденько, включает в себя не только поцелуи. Тебе понравится, поверь. Если любишь меня, тогда согласишься.

– Значит, я тебя не люблю, – отрезала Снежанка и решительно направилась к выходу из парка.

Костя за ней не пошел.

2

Сидя в тот вечер дома в своей розовой комнатке, Снежанка как никогда ощутила собственное одиночество. Пани Святослава пришла поздно – управление гостиницей и рестораном занимало слишком много времени, заглянула к девочке, пожелала спокойной ночи и удалилась к себе.

В доме было тихо и тепло. Топились теплые полы, которые были настелены по всему дому, и временами Снежанке становилось душно.

Она распахивала окно и втягивала в себя прохладный осенний воздух. Розы в саду пани Святославы давно облетели, сливы и яблони стояли голые и казались кривоватыми уродцами. И лишь рябина радовала глаз яркими красными ягодами. Впрочем, в осенних промозглых сумерках Снежана не могла рассмотреть рябиновые ягоды и лишь щурилась да пыталась услышать далекий шум машин, несущихся по шоссе.

Поговорить было не с кем, и оставался только «Инстаграм».

А там коварный Костя выложил фотки с новой девушкой – какой-то Оксаной из соседней школы. У Оксаны была длинная русая коса, курносый нос и пухлые красные губы. Снежана смотрела на фотку, сделанную в «Шоколадной мастерне», и чувствовала, что с ресниц вот-вот сорвутся горячие слезы.

Ну почему такая несправедливость? Почему ее никто не любит?

Мирославу вон любят все. Матвей с нее глаз не сводит, Марьян носит как со старинной драгоценностью, и даже пани Святослава каждый вечер звонит и спрашивает, не хочет ли Мируся приехать на выходные и что ей передать вкусенького. Может, сделать вареничков? Или котлеток?

Мирослава не ест вареников, она вообще плохо относится к продуктам из теста, Снежанка это знала давным-давно и легко угадывала ответы сестры. Нет, она не сможет приехать, и передавать ничего не надо, у нее достаточно продуктов. Она может приготовить сама себе или в конце концов купить что-нибудь в кафешке. И вообще она много не ест, ей хватает.

Пани Святослава вздыхала и причитала, что девочка совсем похудеет с этой учебой. Разве можно так себя напрягать?

Снежанка не сомневалась, что учеба сестру как раз таки не напрягает. Ей все дается легко, этой Мирославе, она просто баловень судьбы, девочка удачи. Парни, деньги, учеба.

А ей, Снежанке, только и остается, что сидеть одной в комнате и грустить. И даже матери рядом нет, чтобы пошутить, поболтать – да просто накричать, в конце концов. Хоть какое-то общение...

И потому, когда Костя вдруг неожиданно прислал сообщение, Снежана тут же ответила. Придет ли она сегодня вечером в парк, на ту самую скамейку, где они в последний раз встречались? Конечно, придет.

«Надо поговорить», – написал Костя. И Снежанка, окрыленная надеждой, сорвалась с места. Накинула джинсовку, быстро зашнуровала кроссовки и понеслась в темный осенний вечер.

Костя был не один. Около него сидели еще два парня, которых Снежана никогда в жизни не видела. Фонарь освещал выложенный брусчаткой пяточок около скамейки, но лица незнакомцев оставались в тени.

– Привет, серденько, – весело сказал Костя, и от него пахло перегаром.

– Привет, – пробормотала Снежана. – Зачем звал?

– Так, посидим, поговорим. Вот и друзья мои со мною. Садись с нами, серденько. Какая ты красивая, как роза в саду. Не бойся, зоренька, не бойся, иди ко мне...

Костя умел говорить ласково, по-книжному, он в совершенстве владел особенным искусством произносить слова медленно и проникновенно, трогая сердце, и Снежанка застыла, опасливо поглядывая на ухмыляющихся незнакомцев.

– О чем говорить будем?

– О тебе. Иди к нам, – растекся в улыбке Костя.

– Да не ломайся, дурочка. Иди, мы не обидим, – проговорил вдруг один из парней, поднялся и приблизился.

Он был на голову выше Снежаны, и в глаза ей бросился короткий полукруглый шрам у него на подбородке.

– Ты нравишься нам, сладкая, – сказал парень, обнял ее за талию и притянул к себе.

Снежанка и охнуть не успела, как пахнущие сигаретами губы парня прижались к ее губам, а широкие ладони облапили за спину и притиснули так крепко, что из груди едва не вышибло весь воздух.

– Что ты... делаешь... – пробормотала Снежана, пытаясь вырваться.

Она уперлась руками в грудь парня, отталкивая, но ее попытки были смешными и напрасными. Сильные ладони прижали еще крепче, а губы назойливо скользнули по щеке и шее, словно пробуя вкус Снежаниной кожи.

– Отпусти, отпусти меня... – Голос срывался на странный шепот, руки дрожали, и сердце бухало в груди, отбивая ритм.

– Куда же мы тебя отпустим, милая, – пел на ухо парень.

Снежана беспомощно оглянулась, но в парке было пусто. Ряд

фонарей освещал длинную дорожку, и свет терялся среди лишенных листьев веток. Деревья закрывали собой небо, дорогу и, казалось, отгораживали от всего мира.

– Ты теперь с нами, крошка, – проговорил второй, поднимаясь. – Не ломайся. Костя сказал, что ты сладкая девочка и ему дала сразу. Мы просто с тобой погуляем, пообнимаемся, и все будет хорошо. Договорились, крошка?

У этого второго было длинное лицо с прыщавыми щеками и жидкой бороденкой, и Снежане он показался похожим на козла. На бородатого страшного козла с желтыми глазами и длинными рогами.

– Козлы! – закричала она, понимая, что надо орать и вырываться.

– Хватит ломаться! – резко сказал козлоподобный и врезал Снежане в живот.

От резкой боли вдруг не стало в груди воздуха, голос сорвался, мир покачнулся, и Снежанка обмякла в руках первого незнакомца.

– Вы сказали, что не станете бить... – заплетающимся языком проговорил Костя, не поднимаясь со скамейки.

– Если она будет хорошо себя вести, то и не станем... – сказал кто-то из двоих, но Снежана чувствовала, что теряет связь с реальностью и уже не разбирает, кто что говорит.

Надо бежать, надо взять себя в руки и рвануться к свету, к людям – туда, где помогут и спасут!

Она еще раз дернулась. Парень, державший ее, не ожидал, видимо, и отпустил, но второй тут же подхватил девушку обеими руками и прижал к себе.

– Иди ко мне, крошка. Иди к нам, девочка. Ты красивая и милая, ты ведь знаешь это?

И в этот момент резко прозвучал громкий голос:

– А ну, отпустите ее!

– Ты кто такой, пацан? – Козлоподобный развернулся, все еще держа Снежану.

– Отпусти девушку, – коротко велел говоривший. Его голос показался знакомым.

Этот знакомый, родной голос принадлежал Матвею Левандовскому. Он вышел из тени, как странный призрак в черном. Его разноцветные, обведенные черным глаза сверкали нечеловеческой злостью. В мягкой походке чувствовалась звериная сила, а в спокойном голосе угадывалась нечеловеческая лютость.

– Пошел вон отсюда, пацан, пока не наваляли, – весело сказал первый незнакомец и нагло ухмыльнулся.

Матвей больше с ними не разговаривал. У него не было палки, вообще никакого оружия, но оно ему и не было нужно. Он рванулся темной молнией, отшвырнул первого, схватил за руку второго, рванул, дернул – Снежана и пикнуть не успела, как оба незнакомца уже валялись на брусчатке.

– Да ты... – пробормотал козлоподобный, пытаюсь подняться, – ты просто гадина...

Договорить он не успел, потому что кроссовок Матвея заехал ему по лицу, разбивая губы. Еще один удар, еще – и оба незнакомца бросились в кусты, яростно ругаясь и оставляя за собой кровавые следы.

Пьяненький Костя так и остался сидеть на скамейке, удивленно таращась на развернувшуюся драку.

– Тебе тоже наподдать? – сухо поинтересовался Матвей, поворачиваясь к нему.

Костя медленно поднял руки, показывая, что сдается.

– Ты что, парень? Я тут ни при чем. Я просто тут сидел, парень. Ты же видишь? – проговорил он заплетающимся языком.

– Я вижу. Еще раз вот так увижу, что ты сидишь тут на скамейке, сверну голову. Знаешь, кто я?

– Ты... ты из Вартовых, – догадливо проговорил Костя.

– Вот и молчи о том, что видел. Иначе убью. И чтобы Снежану больше не трогал никто из вас. Это моя девушка, поняли?

– Ну да... Если так... Мы же не знали, Вартовой. Мы просто не знали... – оправдывался Костя, медленно отодвигаясь на край скамейки.

– Ты цела? Пойдем. Тебе надо домой. – Матвей повернулся к Снежане и протянул руку.

4

Он был молчаливым и рассеянным, этот Матвей. Шагал по дорожке широкими шагами, и черный плащ распахивался, открывая черную рубашку.

Мирослава говорила, что он Ведьмак, правнук Ведьмака, что он опасен и силен, и Снежана только что видела его силу. Поэтому бежала за ним, спешила, чтобы не отстать, и не осмеливалась задавать

вопросы. Матвей был великолепным, неотразимым и немного пугающим. И даже не верилось, что совсем недавно он сидел в одном классе с сестрой и отвечал уроки у доски.

Сейчас Матвей казался невероятно взрослым и сильным.

Снежана так и не решилась заговорить с ним, молча семенила следом до остановки, забралась в последнюю маршрутку и вышла на конечной остановке, на кольце, откуда по ровной дорожке можно было добраться до особняка пани Святославы.

– Не ходи по ночам одна, – наконец заговорил Матвей.

Глянул на Снежану разноцветными глазами и повернулся, чтобы уйти.

– Ты знаешь этих парней, которые на меня напали? – еле слышно пролепетала Снежана.

– Знаю. Местные придурки. Они больше не тронут тебя, не бойся.

Никто из них не осмелится связаться с Вартовыми.

– Ты уходишь?

– Дальше путь безопасен. Иди домой.

Матвей растаял в ночи, и Снежане только и оставалось, что таращиться в темноту, прислушиваясь к затихающим шагам.

5

Дом пани Святославы погрузился в сон. Горел желтым фонарь над входной лестницей, но за окнами царила темень.

Конечно, у Снежаны были ключи, и она тихо поскрипела замком, открывая дверь, шагнула в широкий холл и замерла. Вокруг царила тишина. Гулкая живая тишина, которая казалась монстром, желающим схватить свою жертву. И едва Снежана сделала пару шагов, как ее начала бить жуткая дрожь.

Перед глазами как живой встал Григорий Луша с чудовищным шрамом над губой. Вспомнились его грубые руки, связывающие запястья, послышался хриплый голос, читающий заклятие, и от ужаса кровь застыла в жилах.

Невозможно было зайти в темный дом. Невозможно, и все.

Снежана замерла в коридоре, понимая, что не сможет сделать ни одного шага.

Потому что в темноте прячутся монстры, она уже это поняла. Она уже пережила нападение монстра, который в реальной жизни

прикидывался учителем. Что, если домохозяйка Марта окажется очередной ведьмой и ее скрюченные руки вылезут из темного угла?

Что, если пани Святослава вдруг изменится во мгновение ока и нападет, желая растерзать свою жертву?

Снежана замерла, не решаясь сделать и одного шага.

Она вдруг поняла, что ужасно хочет в туалет по-маленькому, но не находит в себе сил двинуться внутрь, в темноту огромного холла. Потому что опасность рядом. Она никуда не делась.

Конечно, на улице тоже страшно. Только что на нее нападали два придурка, имея совершенно ясные и недвусмысленные намерения. Но

все-таки это были реальные люди, не ведьмы, не чудовищные монстры. Это были просто парни-придурки.

Но темные дома хранят в себе жуткие тайны, и Снежана попятилась назад, не в силах справиться с дрожью в руках. Потом рванулась наружу, выскочила, забыв закрыть дверь на замок, и понеслась по темной дорожке. Руки торопливо доставали телефон из кармашка рюкзака, а затем пальцы торопливо набирали быстрый номер такси.

Да, ей нужна машина. Куда она поедет?

Она поедет к своему другу. Она поедет к Матвею. Какой у него адрес? Она покажет водителю, только пусть машина приедет как можно быстрее.

Глава вторая. Матвей

1

Тугие струи воды покалывали кожу, пар наполнял ванную, и под ногами ощущалась гладкая поверхность поддона душевой кабины. Горячая вода прогоняла туман и морок из головы, и Матвей стоял и стоял под шумящими струями, пытаясь хоть как-то собраться с мыслями.

Дело в том, что он совершенно не помнил, где провел последний месяц. Не помнил, откуда у него на ногах длинные шрамы, откуда следы ожогов на запястьях и почему сорван ноготь на большом пальце правой стопы.

Как только он пытался вызвать в памяти хоть какие-то события из пролетевших четырех недель, сознание подбрасывало темные кусты, лесные непроходимые тропки и кровавую трапезу из пойманных животных.

Матвеем мерещилась растерзанная туша кабанчика, виделось, как он ест мясо, разрывая его на части клыками, как потом бредет по лесу, неприкаянный, дикий и совершенно свободный.

По всему выходило, что последний месяц он провел в облике медведя. Но вот почему он стал зверем, почему решился натянуть на себя дедовский плащ и с кем собирался воевать – понимания не было. Полный, полнейший провал в памяти, и вспомнить не удавалось ничего.

Ровным счетом ничего.

Поэтому Матвей продолжал стоять в душе, таращась на свои ноги, и временами ему вдруг начинало казаться, что его пальцы превращаются в длинные острые когти, а на зубах ощущается вкус крови. И тогда наваливалась слабость и тошнота.

Из двух последних месяцев жизни Матвей помнил только нынешний вечер. Он вышел из темного леса – это без сомнений. Хорошо знакомая грунтовая дорожка провела его мимо кладбища Невинно убиенных в городок, к парку. Матвей сразу услышал голос Снежаны, узнал его и бросился на помощь. Еле сдержался, чтобы не изувечить двух наглых парней, напавших на девушку, узнал Костю – дальнего-предальнего родственника Совинских. Пообещал и ему навалиться, если выкинет какую-нибудь глупость. После отвез Снежану домой – и в голове не было ни одной мысли, ни одного дельного

предложения. Так и шел молча впереди девушки, ощущая ее растерянность и страх.

Вернулся домой и вот стоит под душем, уставший, голодный, разбитый.

Что делать дальше? Позвонить Мирославе? Что она делала весь этот месяц?

Но Мирослава со своим Марьяном. Как только Матвей подумал об этом, сердце кольнула привычная боль.словно острый кинжал пронзил кожу, разорвал мышцы и добрался до сплетения нервов.

Только сейчас Матвей понял, как ему не хватало этой девчонки с карими, слегка раскосыми глазами. Не хватало ее улыбки и крошечной ямочки на щеке – эта ямочка появлялась, только когда Мирослава улыбалась слегка, лишь самую малость. Слабая улыбка, маленькая ямочка, белые зубы.

Не хватало ее колких слов, заразительного смеха, храброй уверенности в собственных силах.

Что бы сказала ему девчонка?

– Если ты был в лесу, значит, мавка Руська в курсе, ее и надо спросить, – услышал он словно наяву насмешливый голос Мирославы.

Матвей вздохнул, очередной раз подставляя голову под бешеные струи горячей воды. Это была дельная мысль, так и следовало поступить: снова отправиться в лес и поинтересоваться у Руськи, что с ним произошло. Но не прямо сейчас, потому что сейчас Матвей ощущал чудовищную усталость и пустоту. Словно его родной дом стал невероятно огромным и холодным, и никакая горячая вода не могла прогнать этот холод и неприкаянность.

В приоткрытую дверь ванной прокрался Скарбник. Котяра, кажется, стал еще больше и жирнее. Соседи небось, глядя на него, думают, что это какая-то помесь пантеры с рысью. Желтые наглые глаза горят, точно фонари, черный хвост тянется вверх, лапы ступают мягко, неслышно.

А когда Скарбник заговорил, Матвей вообще чуть не упал от неожиданности – вовремя схватился за стену, чтобы удержать равновесие, – настолько он отвык за последний месяц от говорящих котов.

– К тебе пришла девочка, Ведьмак, – бархатным голосом сообщил Скарбник. – С длинной косой и большими глазами. Красивая девочка,

гораздо красивее твоей Новицкой.

– Кто пришел? – переспросил Матвей, выключая воду.

– Сестра твоей Мирославы явилась на ночь глядя. Она ошивалась около дома почти каждый день и, если бы я не стерег ворота, пробралась бы сюда и что-нибудь стянула.

Снежана? Он же отвез ее домой. Что опять случилось?

Наскоро натянув шорты и футболку на еще влажное тело, – так приятно было чувствовать себя чистым и в одежде! – Матвей вышел во двор. Он сразу увидел невысокую фигурку Снежаны. Девчонка стояла у ворот, нерешительно переминаясь с ноги на ногу.

– Ты чего? – грубовато проговорил Матвей, едва подавляя вздох.

– Я... не могу... просто, понимаешь... – еле слышно забормотала Снежана и перебросила за спину длинную косу.

– Ладно, заходи.

Не разбираться же со всем этим на улице в ночной темени. И Снежанка зашла к нему в дом.

2

У Снежаны действительно были большие и печальные глаза. Такие нежные, чайного цвета, обрамленные длинными ресницами. Но девчонка постоянно прятала их, опуская долу, словно плиточный пол

кухни был разрисован каким-то необыкновенно интересным узором и она его старалась рассмотреть.

– Ты боишься темноты? – Ему наконец удалось разобрать невнятное бормотание Снежаны.

– После... После ангара этого и Луши... Я не могу...

– Тогда оставайся у меня, ты же все-таки сестра Мирославы. На втором этаже справа есть маленькая комнатка, Мирослава спала в ней, когда ночевала у меня. Можешь устроиться там. Я тоже пойду спать, устал.

Говорить больше ни о чем не хотелось. Матвей проводил взглядом невысокую фигурку Снежаны и удалился в гостиную. Глянул на старую фотографию прадеда и его братьев – фотка все так же стояла на маленьком круглом столике – и растянулся на диване.

Ну что же, дед. Те, кто желал смерти тебе и твоим предкам, теперь сами покоятся на кладбище. И это не кладбище Невинно убиенных. Лушу и его братьев закопали в лесу, недалеко от ведьмацкой хижины, и теперь лишь Чугайстер – хранитель их могил. Лишь он отвечает за то, чтобы из этих гробов не восстала нечисть.

Маленький городок может спать спокойно, потому что страшная ведьма, терроризировавшая его жителей, и тот, кто вызвал ее на свет Божий, оба лежат в могилах под темной землей, погребенные с проведением особого обряда, придавленные мраморными плитами. Ни кресты, ни венки, ни памятники не украшают их могилы.

Ведьмы подлежат забвению, и кланы Варты об этом позаботились.

– Ничто не должно восстать из этих могил, – проговорил Жнец Варты, Марьян Вивчар, кидая комья земли на опущенные в яму гробы.

И все Вартовые повторили его слова, бросая каждый по горсти черной влажной земли.

И Матвей, и Мирослава – оба были там, на обряде.

Были там и старшие братья Луши – отец и дядя погибших, Микола и Даниил, – оба угрюмые, темные, молчаливые. Они не кинули землю на гробы и не смотрели в глаза никому из Вартовых. Ни слова не сорвалось с их сомкнутых уст, а после, поговаривали, оба и вовсе уехали из городка.

Куда они подались и зачем, этого Матвей не знал и знать не хотел. Не он начал эту войну, и не его вина, что пришлось сражаться со всеми братьями Лушами. В живых вроде бы остался только младший, но он наверняка уехал со своим отцом и братом.

Несмотря на чудовищную усталость, уснуть удалось не сразу. И весь остаток ночи Матвею снился черный лес и его одолевала страшная

тревога. Он брел и брел по непроходимым тропкам, ломился сквозь колючие кусты, преодолевал мелкие ручьи, ощущая ледяную быструю воду подушечками громадных медвежьих лап, и в душе клубилось ощущение непоправимого.

Что-то произошло.

Что-то случилось.

Но вот что?

З

Утром он проснулся от того, что на кухне лилась вода и слышалось шкварчание масла на сковородке.

Матвей уже и забыл, когда просыпался от этих звуков, – со смерти прадеда прошло уже много времени. Он вскочил, взъерошил отросшие волосы и босиком выскочил на кухню, теряясь в догадках, кто же это хозяйничает у него в доме. Неужто Скарбник подвизался в роли домохозяйки? Хорошо бы, хоть какая-то польза от зверюги.

На кухне Снежанка пекла блинчики.

Матвей уставился на маленький коричневый заварной чайник, который не видел лет десять, – наверное, со смерти родителей, – перевел взгляд на большое блюдо, где высилась стопка тонких кружевных блинчиков, на чашку с вареньем и немного растерялся. Пахло восхитительно.

– Я заварила себе чай, – осторожно и немного виновато проговорила Снежана, оборачиваясь. Она стояла у плиты и орудовала деревянной лопаткой. – Я не пью кофе.

– Конечно, – пробормотал Матвей, не зная, что сказать еще.

– Садись, ешь. Сегодня суббота, мне не надо в школу. Поэтому вот решила немного пострепать. Ты был такой усталый вчера.

Матвей сел за стол, налил себе чаю – совершенно машинально, просто чайник был под рукой, – и откусил первый блинчик, обмакнув его предварительно в варенье.

Как давно он не ел блинчиков!

Мирослава такую еду не одобряет, она не понимает «жареного теста». Мол, что за еда? Неполезно, лишь растолстеешь и станешь большим и неповоротливым. Поэтому в те дни, когда Мирослава приходила в гости, Матвей готовил овощи, картошку и делал салаты. Лишь иногда варились макароны к сосискам.

– Очень вкусно, – проговорил Матвей и потянулся за новым блинчиком. – Ты потрясающе готовишь.

Снежанка заулыбалась так, словно ей только что присудили награду «Мастер-шеф», ловко перевернула очередной блинчик – еле заметное движение, и кружевной кругляш лег ровно на серединку сковородки, – и сказала, что это несложно и ничего особенного в этом нет.

– Я вот не умею готовить такие дырчатые блины, – заметил Матвей. – У меня они получаются вообще без дырочек, хотя я и добавляю соду.

Снежана тут же пустилась в пояснения, но Матвей слушал вполуха. А когда девчонка наконец замолчала, спросил:

– Что тебя так испугало в доме пани Святославы?

Снежанка нахмурилась, моргнула своими удивительными чайными глазами и принялась объяснять. Говорила она грустно, много и долго, постоянно вставляя «и вот», «знаешь», «получается» и прочие ненужные слова.

– Не могу находиться в темноте, и все, – закончила наконец длинную речь Снежана. – Сразу страшно, сразу вспоминаю этого... Ну ты понял, да? Этого ужасного нашего классного, Лушу. И вот... Я его вспоминаю и цепенею от ужаса. И я не смогла вчера... Просто не смогла, и все. Знаешь, там такая темень стояла в доме пани Святославы, что я чуть не померла от страха...

– А у меня тебе не было страшно? – поинтересовался Матвей, не переставая поедать блины.

– Так у тебя всюду ночники горят, у тебя не бывает полностью темно, – резонно заметила Снежана.

– Точно.

Матвей и сам боялся темноты и одиночества, если уж говорить начистоту. Мирослава была для него спасением, просто невероятной удачей. А теперь она в Старом городе, а он тут один – страшный и ужасный Ведьмак, который и шагу в собственном доме не может ступить без того, чтобы не зажечь ночники.

– Тогда приходи ко мне когда захочешь, – неожиданно для себя сказал Матвей. – Если тебе тут не страшно, можешь ночевать когда угодно.

Снежана вдруг зарделась и отвернулась к сковородке, словно Матвей не ночевку ей предложил, а обручальное кольцо как минимум. Сказала, что будет приходить и может для него готовить. Что он любит есть?

Вспомнились вдруг развороченные внутренности кабанчика, и Матвея чуть не вывернуло. Он залпом выпил полкружки чая, не

замечая, какой тот горячий, потом буркнул, что блинчики очень даже хороши. И еще бананы и йогурт.

– Ты прямо как Мирослава. Вы оба питаетесь ненастоящей едой.

Может, борща сварить?

– Только без мяса, – устало сказал Матвей, понимая, что не сможет проглотить ни одного мясного кусочка.

– Хорошо.

– Продукты я сам куплю сегодня.

– Я тоже могу купить, деньги у меня есть. Пани Святослава дает столько, сколько надо.

– Ну, значит, с голоду мы не умрем, – невесело усмехнулся Матвей.

4

Хозяйственная Снежана, прежде чем уйти, перемыла всю посуду, вытерла и убрала в шкаф. И Матвей остался один на своей уютной и абсолютно чистой кухне. Сидел за столом и допивал очередную кружку чаю. Какое-то время тишина и покой невероятно радовали, но после вспомнился вчерашний вечер, и Матвей закатал клетчатые пижамные штанины, рассматривая странные шрамы на ногах. Они успели зажить, но один все еще выглядел воспаленным. Длинные, сантиметра на четыре, полосы, расположенные на обеих голених. Откуда они? Он сражался с кем-то, будучи медведем? Откуда эти круглые ожоги на запястьях, похожие на неровные монеты? Что с ним произошло?

– Где ты был все это время? – промурлыкал Скарбник, появляясь на кухне.

– Не помню. – Ответ сорвался быстрее, чем Матвей успел подумать, стоит ли откровенничать с домашним хранителем.

– Ну, если ты, милый, не помнишь, где был в последние три недели, значит, ты проводил время в облике медведя. Ты был зверем, понимаешь?

– Догадался уже, потрясающий ты мой подсказчик. Но то, прошлое, сражение я помню очень хорошо. И как убивал ведьму, и как надевал и снимал дедовский плащ – все эти события я не забыл. Так почему сейчас все как в тумане?

– Этого я не знаю. Это ты сам должен понять, Ведьмак, – равнодушно сказал Скарбник и свернулся под столом громадным клубком.

Больше Скарбник ни о чем не говорил, да и Матвей не рвался беседовать с котом.

Глава третья. Матвей

1

Волосы у Матвея действительно отросли и даже стали завиваться на концах – надо прямо в понедельник записаться к знакомому парикмахеру. А пока расчесать и заставить хоть как-то лежать ровно, а не топорщиться во все стороны.

Глаза подкрасить – как же давно он не притрагивался к черному карандашу для глаз! Полка с косметикой покрылась пылью, и даже баночка черного лака, который принадлежал Мирославе, и та выглядела так, словно высохла на корню сто лет назад.

Матвей вытащил из шкафа клетчатую рубашку и синие джинсы, постоял какое-то время перед зеркалом, рассматривая свое похудевшее лицо и выступившие скулы, потом сунул в рюкзак пачку влажных салфеток (на всякий случай) и спустился в коридор. Скарбник вылез неожиданно, сунулся под ноги, и пришлось перешагивать через прыткую скотину.

– Куда собрался? Ты бы докладывал мне, куда ходишь, если страдаешь забывчивостью, – мяукнул кот.

Матвей не стал ничего отвечать, натянул куртку и вышел из дома.

Промозглый осенний день начался с тумана, затянувшего всю улицу. Город словно спрятался за белой дымкой, словно утонул в холодном молоке, и лишь соседский дом выступал четким контуром. У ворот стояла Марьяна, бледная и худая, но смотрела ясно и умно.

– Привет, – тихо сказала она, увидев, как Матвей закрывает калитку.

– Привет. – Услышав голос соседки, Матвей вдруг почувствовал невероятное облегчение. Значит, к девочке вернулся разум, и она стала прежней, настоящей Марьяной. – Как дела?

– Нормально. У меня теперь все нормально. Тебя не было больше месяца, ты знаешь?

Станный вопрос.

– А ты что знаешь? – непонятно зачем спросил ее Матвей.

– Двух людей нашли сегодня утром на въезде в город у старой заправки. Мертвых. Мертвое не бывает. Разорванных на куски, без рук, без ног, словно их погрызли. Ты не знаешь, что это такое?

– Откуда я могу знать? – удивился Матвей.

– Ты же Ведьмак, – совершенно спокойно сказала Марьяна.

– Ты с ума сошла?

– Мне уже говорили такое. Наверное, да. После того как ведьма едва не забрала мою душу, – очень тихо проговорила Марьяна, развернувшись и ушла к себе в дом.

Матвей вздохнул и двинулся по длинной дорожке в сторону главной улицы городка. Ему надо было в лес, к мавке Руське.

2

Итак, Марьяна стала сама собой, но в то же время это уже была не прежняя девчонка, которая гуляла по вечерам с подружками, зависала в играх на телефоне и обожала мороженое.

Что-то в ее взгляде стало иным, чужеродным, слишком глубоким и серьезным. С этим тоже следовало разобраться, но не сейчас. Сейчас – купить кулек шоколадных конфет, чтобы приманить переменчивую мавку и расспросить ее как следует.

А город, погружившись в туман, все больше напоминал обиталище призраков и фриков. Едва Матвей вышел на главную улицу, которая на самом деле была шоссейной дорогой, ведущей в соседний областной город, как от широких ворот табачной фабрики отделилась старуха – низенькая, скрюченная, со сморщенным лицом, будто его смяли, как ненужную коричневую бумагу, и нацепили заново. Она глянула на Матвея, демонстративно плюнула и медленно зашагала прямо перед ним, раскачиваясь и тяжело опираясь на деревянную палку. На спине у старухи висела плетеная корзина, в которой лежало что-то завернутое в разноцветные тряпки. На голове был цветастый платок, на ногах – высокие резиновые сапоги.

Ну, старуха и старуха – мало ли их живет в соседних селах? Матвей хотел обогнать старую, но не тут-то было. Едва он попытался обойти медлительную спутницу, как та вскинула свою палку, закрывая проход.

– Прошу, пани, – вежливо обратился Матвей, намереваясь пройти.

– Повылазило у тебя, чи шо? Куда прешь? – заорала бабка на удивление громким и скрипучим голосом.

Решив, что этим туманным утром лучше не связываться со скандальными старухами, Матвей перешел дорогу и свернул в проулок. Ничего, сделает небольшой крюк через парк, через строительный магазин, а там до леса рукой подать.

Рядом со строительным магазином стояло старое-престарое двухэтажное здание, еще дореволюционных времен, наверное. На первом этаже находилась аптека, местные говорили, что ей столько же

лет, сколько и зданию. Все в городке знали, что дом построил когда-то старый еврей, а потом открыл там аптеку, и с той поры ничего не поменялось, кроме владельцев, разумеется.

Здесь готовили лекарства по индивидуальным рецептам – хочешь, мазь от ожогов и гнойных ран, хочешь, быстрое средство от похмелья. За это аптеку ценили в городке, и почти каждый житель хоть раз да приобрел тут себе что-нибудь. Даже Матвей как-то раз покупал микстуру от кашля и средство от простуды.

Кому принадлежало это заведение сейчас, он не знал, да и знать не хотел.

Но сегодня, в этот туманный день, выскочив на узкий тротуарчик напротив аптечных дверей, Матвей с изумлением увидел перед зданием три больших черных джипа и группу людей в черном. На рукавах – ни одной опознавательной нашивки, на головах – черные кепки, в руках – настоящие автоматы.

Один из них что-то кричал в закрытые аптечные двери, но ему не отвечали.

– А ну иди отсюда, пацан! – крикнул мужик с бородой и ловко наставил на Матвея автомат.

Парень попятился, еще раз окинул взглядом незнакомых людей и свернул за угол.

Что-то странное творилось с городком в последнее время. Только что?

3

Мавку Руську он нашел сразу. Добрался до хижины прадеда, подошел к медвежьему чучелу на заброшенном огороде, и стоило только достать упаковку с конфетами, как на шелест поспешила его лесная подружка.

Руська выбралась из кустов, торопливо перемахнула через плетень и замерла недалеко от Матвея.

– Давай конфеты, – быстро сказала она и требовательно протянула чумающую ручонку.

Странно было видеть эту худую и босую девчонку в рваном белом платице, когда сам Матвей стоял в куртке и кроссовках, засунув руки в карманы, и ежился от влажного ветра.

– Ты меня ждала? – спросил он, передавая угощение своей странной подружке.

– Конечно. Ты должен был прийти сюда, чтобы вспомнить все, –

деловито сказала Руська, возвращая обертку от конфеты.

– Что я должен вспомнить?

– Почему ты стал медведем и жил в лесу. Ты же скрывался, правильно? Ты прятался даже от меня. Я с трудом нашла тебя и еле уговорила стать человеком.

– Это ты уговорила меня стать человеком? – не понял Матвей.

– Я, конечно. А то ты так и носился бы по лесу, точно страшный медвежий ужас. На тебя даже устраивали облаву, да ты всех раскидал.

– Кого я раскидал? Кто на меня делал облаву?

– Фермеры из дальних сел. Ты у них воровал скотину. Забирался прямо в сарай, открывал двери и раздирал бычков. С ума сошел, наверное, – деловито сказала Руська и сунула в рот очередное лакомство.

– А ну, расскажи мне все по порядку и перестань лопать! После поешь. Можно подумать, тебе больше конфет не перепадет.

– Ну, мы же не будем стоять тут прямо в лесу и разговаривать. Веди в дом, правнук Ведьмака, – лукаво усмехнулась Русь-ка и поскакала к хижине, ловко перепрыгивая через бурьян.

Прадедовский старый дом встретил тишиной и запахами трав, древесной коры и старых книг. Беленая печь темнела закрытой заслонкой, скамейки под окнами широко растопырили ноги, а на

деревянном столе по-прежнему неизменно и одиноко стояла ваза с сухими цветами.

Руська тут же забралась с ногами на скамейку – пятки черные, щиколотки измазаны соком ежевики и трав – и принялась шуршать конфетными бумажками и рассказывать с набитым ртом:

– Скарбник твой приходил. Страшный такой – ужас. Я чуть не умерла, увидев его. А он сказал, что ты пропал и тебя нет дома уже несколько недель. И я должна тебя найти. С чего это я должна искать какого-то правнука какого-то Ведьмака?

Руська сверкнула голубыми глазищами, яростно разжевала конфету и взялась за следующую.

– Но ты все-таки нашла меня?

– Пришлось, иначе твой Скарбник обещал меня слопать! – обиженно хлопнула ресницами Руська. – Я подумала, что ты просто уехал в Старый город, и всех делов. Медвежья шкура висит себе тут, на чучеле. В доме все тихо и спокойно, в лесу никто не шастает, никто не сует свой любопытный нос, кроме Скарбника этого ужасного, конечно.

Но тут поползли всякие слухи об огромном медведе, забирающемся прямо в сарай и раздирающем скотину. И я догадалась, кто это может быть. Спустилась к тем селам, что у реки, походила в тамошнем лесу и нашла твои следы – здоровые лапищи такие. А после и тебя увидела. Ты не мог стать человеком. Сам не мог. Потому что превратился без шкуры и тебе нечего было снимать. И тогда я позвала тебя по имени. По твоему человеческому имени. Только так и можно вернуть оборотню его человеческий облик – позвать его по имени, которое дала ему мать. И ты вспомнил сначала меня, а после и себя.

– И что дальше?

– А что дальше? Ты приплелся в эту хижину, голый, уставший, весь избитый и израненный. Я заварила тебе трав, принесла кое-какой еды.

– Что за еда?

– Да натащила картошки с огородов и сварила ее в мундире. Невелика премудрость. Тебе надо было поесть любую человеческую еду. Ты поел, поспал, а после велел принести тебе одежду. Я мотнулась в твой дом, попросила Скарбника, и тот передал штаны, рубашку, плащ и зачем-то черный карандаш для глаз. Ты оделся и ушел. Вот и все. Ты

со мной не разговаривал, между прочим. Ни словечка не сказал, кроме просьбы об одежде.

– Почему я не могу этого вспомнить?

Матвей уселся за стол и сцепил пальцы рук.

– Ты как заколдованный был. С тобой что-то сделали. Ноги все порезанные, руки в ожогах. Тебя заколдовали, это точно, – решительно заявила Руська и доела последнюю конфету.

– Кто?

– Да ваши Вартовые, кто еще. Обычные люди с тобой не справились бы.

– Ладно, я разберусь. Спасибо тебе, что помогла. Но почему тебя испугал Скарбник? Ты боишься котов?

– Котов? – переспросила Руська, слезая со скамьи. – Это был не кот. Это было чудище. А больше я тебе ничего не скажу, разбирайся сам.

И проворная мавка выскочила на улицу.

4

Ребра у Матвея болели, пока он завязывал шнурки. Ныли так, словно он разгружал вагоны с мешками недели три подряд. Внутри

разрасталась огромная пустота. Думалось, что вот придет он сейчас в свой пустой и холодный дом, сварит себе макароны и сядет за игрушку в ноутбуке. А больше делать и нечего.

Совершенно нечего делать.

Матвей надеялся, что Руська поможет ему вспомнить прошедший месяц, который так основательно и странно вывалился из памяти. Откуда пришла такая нелогичная надежда – неизвестно, но казалось, что события восстановятся и станет понятно все, что с ним произошло.

Но противная Руська говорила загадками и сама толком ничего не знала.

Почему Скарбник предстал перед ней чудищем? Или она приврала? Почему Матвею в образе медведя хотелось грабить сельских жителей и жрать их скотину? Почему – если старый дедовский плащ не покидал медвежьего чучела – Матвей превратился в медведя сам по себе?

«Тебе нечего было снимать», – мрачно пояснила Руська, и от этого ее пояснения становилось еще непонятнее.

У ворот дома поджидал лохматый мальчишка. Он держался за руль своего самоката, шурился и жевал жвачку.

– Это тебе, – коротко сказал он и протянул бумажный свиток, закрепленный сургучной печатью. – Велено передать прямо в руки.

Мальчишка сунул свиток Матвею, вскочил на самокат и умчался, ничего не объясняя. Печать на свитке принадлежала семье Вивчаров.

«Марьян Вивчар» – значилось на ней. Оказывается, через пару дней должен был состояться совет кланов и сам Жнец официально приглашал туда Матвея.

Интересно. Это уже интересно.

Матвей покрутил приглашение – бумага желтоватая, плотная – и зашел в дом.

Глава четвертая. Мирослава

1

Сайт назывался «Потустороннее», и на нем обитал народ, верящий во всякую сверхъестественную чушь. Писали по большей части ерунду. Старые предания, старые традиции, старые правила. Иногда делились удачными способами гадания, подкидывали древние рецепты о том, как избавиться от бородавок или вывести некрасивые родинки.

Я заходила на этот сайт время от времени, пролистывала страницы и убеждалась, что ничего серьезного там нет. До одного прекрасного момента.

Стояла осень, конец октября, погода все еще была теплой, но временами шли дожди, долгие и холодные. Я готовилась к парам, просиживала за ноутбуком целые вечера, и, конечно, сайт

«Потустороннее» служил мне отдушиной. О Вартовых там тоже поговаривали, но осторожно так, скупно, словно боялись затрагивать эту тему. Понятно, что легенды о тех, кто охраняет людей от потусторонней силы, живы и передаются из уст в уста, а теперь из сообщения в сообщение, но ничего конкретного никто не знал, и это успокаивало.

А потом совершенно внезапно появилась новая тема, которая называлась «Старые гадания». Я едва не пропустила ее, думая, что это очередные способы гадать на кофейной гуще, но оказалось, что некий Странник предлагает всем желающим выслушать самое настоящее предсказание.

«Мы соберемся на старом Лычаковском кладбище ночью. У меня есть прадедовский амулет, и, если положить его на самую старую могилку на самом старом кладбище города, он предскажет будущее и прошлое всем, кто будет находиться рядом», – писал Странник.

Желающие, конечно же, нашлись, и по большей части девчонки.

Первой написала Лесная дева – она придет и приведет двух подружек. После появилось сообщение от какой-то Франи, мол, и она в деле. В итоге за пару дней набралось человек десять, из которых только два хлопца, все остальные – девчонки. Так я решила, исходя из ников.

И это сборище вдруг встревожило.

Марьян в последнее время был слишком занят делами Вартовых и своей работой, поэтому мы уже неделю не виделись. А тут появился повод ему написать, и я тут же накатала сообщение в «Вайбер». Кинула ссылку и села ждать ответа.

Квартирка моя, маленькая и уютная, находилась на втором этаже трехэтажного, довольно старого дома. Улица уводила на горку, к частным домам и казалась тихой и безлюдной. Я заварила себе кофе – теперь я научилась делать его в турке – и уселась у окна. Низкое небо и высокие деревья завораживали и навевали сон.

Вставала я рано и, возможно, не отказалась бы поваляться под пушистым пледом. Все-таки учеба забирала слишком много сил, и временами я с трудом доползала до постели. Снежанка писала, что у нее все хорошо, но ей очень скучно. Это раздражало, если честно. Прошло всего-то около двух месяцев с тех пор, как я уехала в Старый город – не так уж и далеко. Полчаса езды отделяло меня от сестры. Полчаса езды на городской маршрутке, а на такси так и еще меньше. И если Снежане совсем уж невмоготу, могла бы приехать, я бы ее не

прогнала.

Но сестрица упорно сидела в нашем городке и лишь изредка присылала короткие сообщения типа «купила себе новые штаны и новую толстовку. Встречаюсь с новым мальчиком. Никак не могу понять алгебру».

Пролистывая ее сообщения, я не всегда успевала отвечать, лишь кидала смайлы, потому что у меня-то было полно уроков и я сама иногда не все понимала на парах. Английский ставил в тупик, рефераты по истории требовали многих часов поиска в интернете и в библиотеке, а химия и вовсе вгоняла в тоску. И это только первый семестр!

С Марьяном я виделась редко. Иногда забегала к нему на работу, но так, чтобы никто не заметил. Никто не должен был знать, что Жнец встречается с девушкой, поэтому мы прятались в глубине парка, расположенного недалеко от больницы, и обнимались, сидя на скамейке. А иногда Марьян приходил ко мне, и это был праздник. Мы пили кофе, ели шоколад, и я не могла насмотреться на своего Марьяна. Я ведь невероятно скучала по нему, и каждый день казался длинным и одиноким, когда мы не виделись.

Итак, я написала Марьяну о запланированной встрече желающих узнать собственное будущее и совсем скоро получила ответ.

«Это похоже на серьезное дело, – писал мне мой парень. – Давай вместе проверим. Встречаемся в пятницу ночью на Лычаковском кладбище».

Мы договорились о встрече, я еще раз перечитала ветку сообщений Странника и подумала, что назревает что-то интересное. Пятница была уже завтра, и, значит, следовало подготовиться к этому событию.

2

Дождик, моросивший с утра, к вечеру совершенно утих. Ветер, набросавший на тротуары листьев, заставлял ежиться и прятать руки в карманы куртки. Моя синяя ветровка с удобным капюшоном хорошо согревала в промозглый осенний вечер, и мне было почти жарко, когда я пешком наконец добралась до старого высокого кирпичного забора.

Лычаковскому кладбищу, если верить истории города, было почти триста лет. Но говорили, что первые захоронения появились тут еще раньше – предавали земле жертв эпидемий. Теперь кладбище считалось государственным музеем под открытым небом, и неудивительно. Тут каждое надгробие, каждый памятник представляли собой произведение искусства.

Я не боялась бродить ночью по кладбищам, но память о недавних сражениях с ведьмами была еще свежа, и приключений не хотелось. К главным воротам я не пошла, села на скамейку через дорогу и наблюдала, поджидая Марьяна. Место встречи у группы из

«Потустороннего» было назначено как раз возле главной кладбищенской арки, прямо на виду у всех. Впрочем, людей в одиннадцать вечера на темной улочке я что-то не замечала. Случайные прохожие ежились от ветра, натягивали поглубже капюшоны и спешили к уютному теплу родного дома.

Я пришла минут на сорок раньше указанного срока и была наказана за свою предусмотрительность: совсем замерзла на холодной и мокрой скамье. Несколько раз пришлось вставать и нарезать круги под деревьями, чтобы хоть как-то согреться. Но стоило мне увидеть высокого худого парня в зеленой спортивной куртке, который

остановился около зарешеченной готической арки, взлохматил волосы и осмотрелся по сторонам, явно кого-то высматривая, как холод покинул меня. Вместо этого охватила яростная лихорадка ожидания, от которой сердце колотилось, словно бешеное.

Вскоре появился еще один паренек – невысокий и тоже худенький. А после пришли четыре девчонки. Видимо, они договорились где-то встретиться заранее, потому что заявились все вместе, громко хихикали, поглядывали по сторонам и весело улыбались парню в зеленой куртке.

После этого вся команда направилась на кладбище. Ворота, разумеется, были закрыты, но группа обошла забор (мне пришлось последовать за ними, не дожидаясь Марьяна), углубилась в густой парк, расположенный рядом с кладбищем, и там нашла какую-то лазейку. Какую именно, мне рассмотреть не удалось, ведь я держалась на расстоянии и не столько подсматривала, сколько угадывала направление, в котором двигались ночные искатели приключений. На освещенной фонарями улице спрятаться было нереально, и моя фигура в синей ветровке, неотступно следовавшая за ребятами, непременно привлекла бы внимание.

В парке высокие деревья угрожающе шелестели и сбрасывали на меня дождевые капли с ветвей. Я забралась довольно глубоко, разыскивая тайную лазейку, но мне почему-то никак не удавалось ее обнаружить. Я уже начала злиться, когда услышала рядом с собой знакомый шепот:

– Подожди, у меня есть ключ. Мы войдем через калитку.

Теплая рука взяла меня за запястье, и я, оглянувшись, увидела Марьяна.

– Мы их потеряем, – прошептала я.

– Они никуда не денутся. Я знаю самую старую могилу на этом кладбище. Встреча назначена там, ведь так?

Мы прошли через калитку – у Жнеца были все ключи от старых церквей и кладбищ – и зашагали по узким петляющим дорожкам мимо

белеющих в темноте надгробий. Повернув голову, я случайно встретилась взглядом с белым ангелочком на одной из могил, и на мгновение вдруг показалось, что пухлый ребенок с отбитым носом поднимает руку и куда-то указывает своим толстым коротким пальчиком.

Я вздрогнула, Марьян крепче сжал мою ладонь, и наваждение пропало.

– Здешние мертвецы могут ожить? – тихо прошептала я, отводя взгляд от очередной могилы.

– Вполне. – Марьян был краток.

– И напасть на нас? Тогда что мы будем делать?

– Твой крестик на тебе? Значит, ты вооружена. Не бойся, мы сможем за себя постоять. Но что-то я ни разу не слышал о привидениях на Лычаковском кладбище. Все-таки тут большей частью хоронили достойных жителей города, а не ведьм. Тех ведьм, которых убивали Вартовые, хоронят не тут, ты же знаешь.

– Их хоронят почему-то около нашего городка.

– Потому что там есть кому охранять их могилы. Тихо, мы почти пришли.

Полукруглая аллея вывела нас к высокому обелиску, на фоне которого стоял ангел с расправленными крыльями. А чуть дальше находилась еще одна могила с плоской плитой, исчерченной странными знаками. Там и стояли ребята, за которыми мы наблюдали.

– Может, просто ерунда, – шепнул Марьян.

Мы спрятались за холодным шершавым надгробием ближайшей могилы. Я глянула на польские буквы, выбитые по кромке темной плиты, и поглубже надвинула капюшон.

Тем временем парень в зеленой куртке что-то тихо пояснял девочкам, и те довольно бойко зажигали небольшие светильники и расставляли их вдоль края могилы. Оранжевые огоньки не могли осветить суровое лицо ангела, и оно оставалось в тени.

Когда по периметру могилы горело уже огоньков двадцать, а девочки, захваченные моментом, перестали хихикать, высокий парень

– который и был, наверное, Странником – принялся что-то чертить черным углем на земле.

– Вот теперь все серьезно, – очень тихо проговорил Марьян.

Я еще сомневалась, что произойдет что-то опасное. Думала, ребята позажигают свечи, протараторят какие-то старые гадальные стишки и

поглядят на кофейную гущу или что-то вроде этого. Но когда Странник закончил чертить пентаграмму, воздух, и без того холодный, замер и стал просто ледяным – точно таким, как тогда в ангаре, когда я

выручала свою сестру, а Матвей и Марьян сражались с братьями Лушами.

Ужас зашевелился во мне, как мохнатый паук в паутине, и я почувствовала, что покрываюсь холодным потом. Глянула на Марьяна – дальний фонарь едва освещал его узкое лицо: спадающие на лоб волосы, знакомый шрам над бровью – след прошлой битвы – и блестящие глаза, такие родные и знакомые.

Неужели нас снова ждет сражение?

А девчонки и худенький паренек уже встали кругом, и Странник положил в середину пентаграммы круглую металлическую штуку. После этого все взялись за руки и зашептали какие-то странные слова.

– Вызывают мертвого духа, – четко проговорил Марьян и поднялся.

Меч он не вытаскивал, просто шагнул на дорожку, быстро раздвинул испуганных девчонок, оттолкнул возмущенного Странника и поднял круглый амулет с земли.

– Ты кто такой? – зашипел на него парень в зеленой куртке.

Второй парнишка отскочил в сторону и спрятался за высоким ангелом, словно надеясь, что каменный страж защитит его.

– А ты кто такой? Я – Жнец, и ты должен знать, кто я такой, если умеешь чертить такие вот штуки на кладбищах. Кого ты собирался принести в жертву вызываемому духу? В кого дух должен был вселиться? Кто первая девушка, которая будет задавать вопросы?

Девчонки попятились, заохали, зашептались.

– Да пошел ты вон, дурак! Отдай мой амулет! – заорал Странник, но к Марьяну не приближался, видимо, ума хватало опасаться высокого парня с мечом на поясе.

– Уходи отсюда. И больше никогда не смей заниматься черным колдовством. Ты понял? Или навалить тебе по шее? – устало спросил Марьян и повернулся к девчонкам. – Вам вызвать такси? Или вы позвоните своим родителям и попросите забрать вас с неудавшегося веселья? Что стоите? Представление не получилось, расходимся, девчонки.

– Ты кто? – тихо спросила одна из них, самая бойкая и высокая.

У нее было симпатичное лицо, обрамленное темными волосами, глаза смотрели серьезно, в них словно горели огоньки.

– Я страж этого города. Не стоит участвовать в мрачных ритуалах, это может быть опасно. Понимаете, девочки?

Я продолжала держаться в тени, не желая, чтобы меня кто-нибудь увидел, потому что кое-кого из девочек начала узнавать. Кажется, длинноволосая и умная учится со мной в одной группе в универе. И ее подруга, коротко стриженная, в черной куртке, тоже. Если так, то не стоит светиться.

– Мы сами разберемся, что нам делать. Но если пригласишь нас на кофе, не откажемся, – пропела та, что с длинными волосами. Остальные захихикали.

Они все живут в общежитии от универа, их родители понятия не имеют, чем занимаются дочери поздними вечерами, догадалась вдруг я.

– В другой раз, девчонки, – сухо пообещал Марьян и повернулся, чтобы уйти.

Без своего амулета Странник ничего не сделает.

– Амулет верни! – подступил к Марьяну зачинщик неудавшейся заварухи.

– Он тебе уже не понадобится.

– Это моя вещь!

– Не твоя. – Марьян даже не обернулся.

Странник накинулся неожиданно, словно бешеный худой пес. Наскочил со спины и ударил Марьяна по голове. В руке у него оказался обломок кирпича, и удар вышел неслабый. Марьян качнулся, но быстро обернулся и врезал Страннику в лицо. Я прямо почувствовала, как костяшки с хрустом врезались в носовую перегородку, как парень в зеленой куртке охнул, оседая вниз, и рванулась на помощь Марьяну.

Впрочем, помогать не пришлось.

Девчонки завизжали, второй парнишка несмело высунулся из-за ангела, чтобы лучше видеть происходящее, а Странник, заливая брусчатку кровью из разбитого носа, гнусаво ругался.

– Угомонился? Или добавить? – спросил Марьян, слегка пнув его ботинком.

– Иди к черту!

– Обязательно. Девчонки, что вы ждете? Мотайте отсюда! Быстро!

И девчонки рванули на выход. Они пробежали мимо, не замечая меня, лишь одна, длинноволосая, кинула в мою сторону внимательный

взгляд.

– Уходим, – сказал мне Марьян. – Тут больше нечего делать.

Мы тоже направились к выходу. Около узкой калитки Марьян вызвал такси, оставалось только дожждаться машины.

– Доставлю тебя домой, – устало сказал он.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке автора: <https://www.litres.ru/varvara-nikolaevna-enal/tot-kto-daet-otvety/>